

УДК 94(470)

Бахарев Николай Юрьевич, ведущий архивист отдела научного использования документов, Центральный государственный архив Московской области

e-mail: baharev.nikolai2015@yandex.ru

ХАРАКТЕР ВЗАИМООТНОШЕНИЙ КОМИТЕТОВ БЕДНОТЫ И МЕСТНЫХ СОВЕТОВ. ПО МАТЕРИАЛАМ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Аннотация. В статье на материалах Московской губернии, уездном и волостном уровнях, рассматривается практика взаимоотношения местных Советов и комитетов бедноты в период политики «военного коммунизма». Привлечение и анализ ряда источников, включая неопубликованные ранее архивные материалы, позволяет продемонстрировать процесс образования комбедов на территории губернии, выявить их место в системе низовых советских органов власти в рассматриваемый период. Что дает возможность расширить и дополнить представления о вопросе взаимодействия комитетов бедноты и Советов на местах.

Ключевые слова: Московская губерния, Московский губернский Совет, «военный коммунизм», Советы, комитеты бедноты, региональная история.

Bacharev N.Y., Leading Archivist of the Department of Scientific Use of Documents, Central State Archive of the Moscow Region

e-mail: baharev.nikolai2015@yandex.ru

THE NATURE OF THE RELATIONSHIP BETWEEN THE COMMITTEES OF THE POOR AND LOCAL SOVIETS. BASED ON THE MATERIALS OF THE MOSCOW REGION

Abstract. The article examines the practice of mutual relations between local Soviets and committees of the poor during the period of the policy of "war communism" based on the materials of the Moscow region, county and volost levels. The involvement and analysis of a number of sources, including previously unpublished archival materials, makes it possible to demonstrate the process of formation of brigade commanders in the province, to identify their place in the system of grassroots Soviet authorities during the period under review. This makes it possible to expand and supplement the understanding of the issue of interaction between committees of the poor and local Soviets.

Keywords: Moscow province, Moscow Provincial Soviets, «war communism», Soviets, committees of the poor, regional history.

Исследование практики учреждения комитетов бедноты в контексте попытки реализации экономической составляющей политики «военного коммунизма» в историографии имеет широкий пласт. При этом в рамках исследований деятельности комбедов одним из главных анализируемых вопросов становится характер взаимоотношений комитетов и низовых Советов. Причем выводы в рассмотрении данного вопроса носят дифференцированный характер. Авторы работ, созданных в советский период, преимущественно делали акцент на совместной работе и взаимопомощи комбедов и Советов в разных губерниях (независимо от того имел ли регион аграрный или промышленный характер). Причем наличие конфликтов между данными органами зачастую сводилось к вопросу разграничения их полномочий, в случае же более существенных «трений» виновными в этом, как правило, признавались Советы, имеющие «контрреволюционный состав» [9]. В постсоветских же исследованиях акцент смещался, анализ комитетов бедноты приобретал значительно более критический характер. Подчеркивалось, что комбеды, устанавливая контроль над низовыми Советами, удаляли «независимо мыслящих людей» из составов Советов, вызвав тем самым (наряду с их экономической политикой) попытки местного населения противостоять

подобному «беззаконию» [1. С.33]. В иных случаях речь идет о полной замене советских органов комитетами бедноты [6. С.68]. Предпринимался также анализ деятельности комитетов бедноты и их взаимоотношения с местными Советами на территории Московской губернии. Исследование образования и характера деятельности комитетов бедноты на территории Московской губернии позволило заключить, что политика комбедов не получила в регионе «значительного развития» [2. С.49].

Подчеркнем, что рассматриваемый вопрос обычно изучался в контексте более широких проблем экономических и политических практик периода «военного коммунизма». Вследствие чего для дополнений и корректировки выводов по данной теме важным является ее выделение в самостоятельный предмет исследования, анализ в рамках отдельного региона и расширение круга источников путем привлечения ряда архивных документов.

Как следует из анализа документов местных Советов, на территории Московской губернии процесс образования комбедов происходит в период июля–августа 1918 г. В инструкции от 28 июня, разосланной по уездам исполкомом Московского губернского Совета отмечалось, что низовые Советы «способствуют собирать собрания бедноты, выбирать комитеты бедноты и инструктировать последние» [3. С.63]. В свою очередь исполкомы уездных Советов принялись рассылать такого рода инструкции по волостям. Вместе с тем не везде Советы успешно образовывали комбеды, ограничиваясь лишь рассылкой инструкций. Так, в ходе заседания представителей комбедов Звенигородского уезда один из делегатов отмечал, что «волостной Совет инициатив не проявлял, а передавал только приказания свыше» [15. Л.17об.]. Обращение к документам уездных и волостных исполкомов Советов позволяет не только проследить процесс организации комбедов, но и в отдельных случаях выявить состав последних. В ряде волостей обращает на себя внимание достаточно молодой возраст членов комбедов. Так, в состав комбеда Запоторской волости Богородского уезда входило 7 человек, самому старшему из них было 27 лет, младшему 18 [14. Л.14]. При этом кадровый вопрос при

образовании комбедов имел острый характер. В протоколах уисполкома того же Богородского уезда фиксировалась необходимость присылать сотрудников для организации и работы комбедов [23. Л.31 об.].

В целом формальное складывание системы комитетов бедноты на территории Московской губернии завершился ко второй половине августа 1918 г. 18 августа состоялся губернский съезд деревенской бедноты, на который прибыли 62 делегата, представлявшие большинство уездов, к этому моменту лишь в трех уездах комбеды еще не образовались [25. Л.67]. На съезде помимо прочего был затронут вопрос соотношения властных полномочий комбедов и Советов на местах. В резолюции «О ближайших задачах комитетов деревенской бедноты» отмечалось: «там, где Советы превращаются в орудие эксплуатации [...] комитеты деревенской бедноты должны взять власть в свои руки» [25. Л.68]. Присутствие на съезде представителей исполкома губернского Совета, в том числе председателя исполкома Т.В. Сапронова, чьей речью и завершился съезд, свидетельствует о фактической солидаризации исполкома Мосгубсовета с такой позицией.

Однако фактически процессу образования комбедов препятствовало сопротивление местного населения. Что выражалось, как в отказе участвовать в образовании и работе комбедов, так и прямом сопротивлении деятельности уже сложившихся комитетов. Данная ситуация иллюстрируется документами. К примеру, в протоколе от 6 сентября заседаний Воскресенского райбюро по организации комбедов фиксируется попытка противодействия организации комбеда в селении Кашино со стороны местного старосты, а также отказ ряда граждан села Еремеево принимать участие в организации комбеда [25. Л.42]. Ответные санкции заключались в приговоре старосты к недельному общественному труду, отказавшиеся же участвовать в создании комбеда жители Еремеева были лишены продовольственных книжек [25. Л.42]. Аналогичная политика предпринималась и в отношении отдельных сел, так была прекращена поставка продовольствия в раздаточные пункты сел Степаньково, Петровское, Дарны «впредь до организации комитетов сельской

бедноты» [25. Л.45]. Отметим, что подобная политика проводилась с санкции президиума Воскресенского райсовета, предоставившего райбюро комбедов возможность «административного воздействия» за противодействия организации комитетов бедноты [25. Л.51].

При этом, как следует из документов исполкома Мосгубсовета, комбеды на территории губернии имели ряд затруднений в налаживании своей деятельности. В протоколе заседания исполкома от 18 октября 1918 г. содержится доклад представителя губернского комитета бедноты, Борисова. Обращение к данному докладу позволяет проиллюстрировать непростое положение для комбедов на местах. В частности, было отмечено, что «отсутствие финансирования из центра ставит в очень трудные условия работы» комбеды уровня как губернского, так и уездных с волостными [18. Л.2]. Другой важной причиной, препятствующей деятельности комбедов, как следует из доклада, является мобилизация их членов, об отмене которой комбеды пытались ходатайствовать перед исполкомом Мосгубсовета [18. Л.2]. Также было ходатайство о вооружении членов комбедов, что свидетельствует о наличии угрозы им со стороны местного населения.

Дополняя поднятую докладчиком тему о причинах вооружения членов комбедов, стоит отметить, что комбеды злоупотребляли своими полномочиями, к примеру, проводили несанкционированный забор семян на посадку [7. Л.130]. Процесс взятия «излишков» продовольствия на местах в целом носил сумбурный характер. Несколько заходя вперед, отметим, что об этом ярко свидетельствует протокол заседания исполкома Мосгубсовета от 20 декабря, т.е. почти конец 1918 г. В ходе заседания представитель губернского комиссариата земледелия Зайцев отметил: «отобрание излишков было проведено в жизнь комбедами, а отчетности в количестве взятого ими мы до сего времени получить не могли» [19. Л.13]. В условиях подобного хаотичного сбора «излишков» злоупотребления со стороны комбедов явно имели место. Подобные же действия вызывали агрессивную ответную реакцию местного населения ряда уездов. Это подтверждают документы исполкома

Мосгубсовета. Так, в Верейском уезде неоднократно предпринимались поджоги домов советских работников, участвующих в создании и работе комбедов [16. Л.6]. В ответ президиум исполкома Мосгубсовета постановил: «в случае явной мести советским работникам силой обкладывать кулаков контрибуцией в пользу уездного фонда, пострадавших от контрреволюции» [16. Л.6]. О степени силы сопротивления комбедам, доходивших в отдельных случаях до вооруженного столкновения, свидетельствует постановление исполкома Мосгубсовета от 11 сентября 1918 г., гласившего, что «в случае поджогов или порчи имущества [...] или насилии над участниками комитетов бедноты, исполнительный комитет будет принимать самые решительные меры вплоть до расстрела и конфискации имущества» [17. Л.4].

В отношении же доклада Борисова исполкомом Мосгубсовета были приняты решения о назначении членам губернского комбеда окладов, равных окладам членам коллегии губернского продовольственного комитета, также важным стало решение о делегировании членов губернского комбеда в состав коллегии губернского продкома с правом решающего голоса, а не совещательного, как было ранее [18. Л.2]. Также в их ведение было передано некоторое количество вооружения. В этот же период, как показывает анализ протоколов заседаний уисполкомов, вопрос финансирования комбедов решался и на уездном уровне. Нужды комитетов бедноты покрывались за счет продовольственных отделов Советов [10. Л.1]. Вследствие этого фактически во многом система комбедов окончательно на территории Московской губернии сложилась ко второй половине октября 1918 г.

Вместе с тем, к концу октября 1918 г., как следует из анализов протоколов заседаний исполкома Мосгубсовета, отношение к комбедам начинает носить более строгий характер, предпринимаются попытки пресечь их вседозволенность на местах. Подтверждением этого является, во-первых, решение вопроса мобилизации членов комбедов, поднятого Борисовым, не в пользу комбедов. В отношении данного дела исполком Мосгубсовета постановил отклонить прошение об освобождении от мобилизации всех членов

комбедов, позволяя комбедам ходатайствовать «лишь о действительно незаменимых работниках» [18. Л.2]. Во-вторых, президиум исполкома в ходе заседания 23 октября постановил, что комбеды не могут производить никакие обложения населения, подчеркивая, что они являются продовольственными органами, но «не властью на местах» [20. Л.1]. Отметим, что данное заключение диссонирует с приведенными выше августовскими сентенциями о необходимости взятия комбедами власти в свои руки.

Вероятно, необходимость подчеркивать, что комбеды не являются органами власти на местах, была вызвана, тем, что, как будет показано ниже, в некоторых волостях губернии комитеты бедноты превалировали над местными Советами, фактически получая властные полномочия от вышестоящих органов в лице уисполкомов. В контексте темы настоящего исследования ключевым является анализ масштаба фактической замены низовых Советов на комбеды.

Отметим, что, как было показано выше, система комбедов на территории Московской губернии складывалась сложно, нерешенность кадрового и финансового вопроса осложняла процесс образования и налаживания деятельности данных органов. Это позволяет предполагать, что в таких условиях маловероятно, что комбеды наряду с выполнением своих экономических задач, могли бы стать существенной пусть и временной масштабной альтернативой низовым Советам, существовавшим к тому времени уже более полутора лет и хоть и с переменным успехом, но наладивших свою деятельность.

Кроме этого в подтверждение того, что подмены низовых Советов на территории Московской губернии комбедами не происходило, исследователи апеллируют к составленному в декабре 1918 г. перечню волостных Советов, отложившемуся в фонде Мосгубсовета [9]. Действительно, сбор сведений о количестве волостных и сельских Советов проводился отделом управления Мосгубсовета, их перечень был составлен на основе присланных из уездов данных. Всего, согласно данному списку к концу декабря 1918 г. на территории Московской губернии насчитывается 152 волостных Советов и 3,4 тыс.

сельских [11. Л.17]. Такие цифры не позволяют исследователям говорить о масштабном упразднении Советов. Вместе с тем стоит учитывать, что это данные конца 1918 г., когда после декрета СНК от 2 декабря начался процесс слияния комбедов с сельскими и волостными Советами. Кроме того, подчеркнем, что количественные показатели не отражают фактического влияния Советов на местах. Вследствие чего для дальнейшего анализа необходимо привлечь дополнительные документы.

Отметим, что в приведенном выше перечне Советов Московской губернии значится и один городской комитет бедноты, указанный, как фактический орган власти [11. Л.18]. Речь идет о Дмитровском городском комбеде, который заменив собой городской Совет, стал единственным органом власти в городе, но не во всем уезде. В документах Дмитровского городского комбеда сохранился акт от 30 августа 1918 г. согласно которому комбед принял от горсовета дела, документы и денежные суммы [26. Л.1]. Как показывают документы переписки Дмитровского городского комбеда с исполкомом уездного Совета первый действовал во многом автономно от второго. Так, в конце ноября комбед принял решение «взять все трактиры муниципальным порядком, дабы более извлечь выгод для города», о чем уисполком и извещался, при этом никакой одобрительной санкции не спрашивалось [27. Л.2]. Уже в первых числах декабря отдел управления уисполкома сообщил, что «чайные Гладилина, Масленникова и Жеребина перешли в ведение городского комитета бедноты [...] а посему по всем делам, касающимся перечисленных чайных следует относиться не с прежними владельцами, а непосредственно с городским комитетом бедноты» [27. Л.7].

Исследователям на материалах подконтрольных большевикам территорий удалось выявить процессы ликвидации сельских и волостных Советов и замены их комбедами. В частности, Т.В. Осипова, исследовавшая взаимоотношения Советов и комбедов на территории страны в целом, выявила, что на территории Московской губернии, как минимум Можайский, Звенигородский, Богородский уисполкомы выносили постановления о передачи

власти на территории уезда комбедам, взамен местных Советов [4. С.193]. Привлечение и исследование ряда архивных документов, прежде всего протоколов заседаний самих уисполкомов, а также волисполкомов, позволяет детальнее проиллюстрировать положение в данном вопросе на территории этих уездов.

Так, анализ состава низовых Советов Можайского уезда позволил заключить, что к октябрю 1918 г. в волостных Советах было 64,86 % коммунистов и им сочувствующих [5]. Т.е. немногим больше половины. В этих условиях ставка уисполкома на более лояльные комбеды объяснима. Из протоколов заседаний исполкома и президиума исполкома Можайского уездного Совета видно, что комбеды уезда получали от Совета ссуды [22. Л.3], а в разрешении конфликтных ситуаций граждан и комбедов уисполком становился на сторону последних [22. Л.2об.]. Однако об упразднении низовых Советов или полной их замене комбедами на территории Можайского уезда речь идти не может. Подтверждением этому также служат протоколы заседаний Можайского уисполкома. Так, показательно решение уисполкома от 28 октября о выдаче лошадей с повозками в пользование волостных комбедов. Выдача была одобрена, но должна была проходить лишь с санкции волостных Советов, из лошадей, находящихся в их пользовании, во всех волостях [22. Л.47]. Из чего следует, что уисполкому, как и комбедам на территории уезда приходилось считаться с волостными Советами.

Обращение к сохранившимся документам волисполкомов Богородского уезда также дает представление о взаимоотношениях комбедов и Советов на местах. Так, в протоколах заседаний президиума исполкома Гребневского волостного Совета фиксируется утверждение постановления комбеда о назначении на должность председателя поселкового Совета [13. Л.14]. Из данного эпизода видно, что Советы нижайшего уровня, поселковые, находились под контролем комбедов. При этом, как следует из протоколов, зачастую решения Гребневский волисполком принимал вместе с представителями комбеда. Совместно советские и комбедовские деятели

решали вопросы местной жизни, включая политику налогового обложения, борьбу со спекуляцией и т.п. Что свидетельствует о сильном влиянии волостного комбеда, но все же не позволяет утверждать о полном бездействии волостного Совета, фактически, как следует из протоколов волисполкома, это был единый орган, слитый, как из советских, так и комбедовских представителей. Такая ситуация продолжалась до конца декабря 1918 г., когда были образованы отделы волостного Совета, в которые, вероятно, и были инкорпорированы члены комбеда [13. Л.30]. Подчеркнем, что в протоколах ряда иных волисполкомов Богородского уезда подобная ситуация не фиксируется.

Со стороны советского руководства уездного уровня в Звенигороде также наблюдалось определенное недоверие сельским и волостным Советам. Так, в Аксиньинской волости Звенигородского уезда с санкции исполкома уездного Совета, при этом по инициативе самого волисполкома [24. Л.28], сельские Советы были упразднены и заменены комбедами [21. Л.13об.]. Отметим, что схожая ситуация имела место и в иных местах, например, в Щелковской волости Московского уезда [4. С.193]. Однако, здесь речь идет о замене Советов комбедами лишь в отдельных волостях, а не на территории всего уезда. Вместо упразднения Советов в Звенигородском уезде применялась практика ограничения их деятельности в решении некоторых вопросов. В этом отношении показателен протокол совещания исполкома уездного комбеда и заведующего земельным отделом уездного Совета, в ходе которого было принято решение «для более правильного учета урожая» заменить контролеров в имениях, выбранных сельскими и волостными Советами на лиц, делегированных из состава комбедов [8. Л.10]. Речь здесь идет о сборе урожая с имений, принадлежащих ранее помещикам, однако, эффективность комбедовских контролеров в деле учета собранного с имений урожаев остается, как минимум, спорной. Вероятно, данная политика применялась не только в Звенигороде, но и в иных уездах. Однако подобная практика вызвала явное неодобрение исполкома Мосгубсовета. Обращение к протоколам заседаний

исполкома Мосгубсовета позволяет выявить, что в декабре, в ходе обсуждения количества продуктов, взятых с имений, отмечалось: «многое бралось комбедами, а отчета о количестве взятого ими мы не имеем» [19. Л.12]. Взавший слово председатель исполкома Мосгубсовета Т.В. Сапронов также подверг критике практику взимания и контроля продуктов с имений комбедами, заявив, что это «недопустимо» [19. Л.13]. Подобные высказывания свидетельствуют о значительном охлаждении к комбедам. Вследствие чего с конца 1918 г. исполком Мосгубсовета, следуя политике центральной власти, начал ликвидацию, а фактически предпринял попытку инкорпорации членов комбедов в состав низовых Советов путем их переизбрания. Однако анализ документов процесса переизбрания демонстрирует, что, например, в рассматриваемом выше Богородском уезде, где уисполком пытался делать ставку на комбеды, члены комбедов активного участия не принимали, продолжая сетовать на отсутствие жалования, а в других волостях уезда было сильное недовольство населения, пытающегося отстоять волостные Советы от комбедов [12. Л.6об–7].

Подводя итоги, отметим, что проблема взаимоотношений местных Советов и комбедов в период политики «военного коммунизма», особенно вопрос кому из них реально принадлежала власть, в историографии носит давний характер. При этом привлечение ряда архивных документов регионального уровня позволяет расширить и дополнить выводы по данной теме. Проведенное исследование по данному вопросу на материалах Московской губернии показывает, что процесс складывания системы комитетов бедноты на территории региона имел сложный характер, дефицит кадров, неразрешенность финансового вопроса, сопротивление местного населения препятствовали оптимизации их деятельности. Вследствие чего комбеды не могли стать полномасштабной заменой низовых Советов волостного и сельского уровней, чьи представители вызывали недоверие у центральной и губернской власти. Фактически Мосгубсовету и уисполкомам приходилось лавировать между слабо организованными комбедами и мало

лояльными низовыми Советами. Вместе с тем даже в уездах, где уисполком фактически открыто делал ставку на комбеды, а не Советы, вряд ли приходится говорить об упразднении или полном нивелировании роли последних целиком. На территории Московской губернии лишь в некоторых волостях и отдельном городе (Дмитрове) комбеды фактически исполняли роль органа власти.

Список источников

1. Андреев В.М. Российское крестьянство: навстречу судьбе, 1917–1920. М.: Московский государственный педагогический университет, 1997. 176 с.
2. Ковалев Д.В. Подмосковное крестьянство в переломное десятилетие. 1917–1927. М.: Прометей, 2000. 139 с.
3. Комитеты деревенской бедноты Московской области: Сборник документов и материалов // Под ред. А.В. Шестакова. М.: Моск. рабочий, 1938. – 360 с.
4. Осипова Т.В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М.: Издательство Стрелец, 2001. 397 с.
5. Павлов Б.С. Борьба коммунистов Московской губернии за организацию комитетов бедноты и развертывание социалистической революции в деревне // Ученые записки. Московский городской педагогический институт им. В. П. Потемкина. Т. 46. Вып. 1. С. 135–180.
6. Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М.: Русское книгоиздательское товарищество, 1997. 270 с.
7. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 478. Оп. 6. Д. 793.
8. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 6. Д. 797.
9. Семьянинов В.П. О взаимоотношении крестьянских Советов и комитетов бедноты // История СССР. 1986. № 5. С. 127–139.
10. Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО). Ф. 678. Оп. 1 Д. 8.
11. ЦГАМО. Ф. 680. Оп. 3. Д. 58.

12. Там же. Д. 79.
13. Там же. Д. 84.
14. Там же. Д. 86.
15. Там же. Д. 166.
16. Там же. Оп. 4. Д. 13.
17. Там же. Д. 14.
18. Там же. Д. 22.
19. Там же. Д. 31.
20. Там же. Д. 126.
21. ЦГАМО. Ф. 718. Оп. 1. Д. 14.
22. ЦГАМО. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 8.
23. ЦГАМО. Ф. 2467 Оп. 1. Д. 3.
24. ЦГАМО. Ф. 3736. Оп.1. Д. 2.
25. ЦГАМО. Ф. 4582. Оп. 1. Д. 10.
26. ЦГАМО. Ф. 5010. Оп. 1. Д. 7.
27. Там же. Д. 8.